

все большее влияние. Двор в Фивах и Афинах говорил, несомненно, на двух языках, хотя государственным языком все еще оставался французский. Так как герцогская канцелярия погибла, то мы не можем доказать, что в ней были и греческие акты этого времени. Но франкские бароны уже находили удобным или нужным снабжать свои постройки греческими надписями. Так сделал, например, Антон де Фламан, когда в 1311 году воздвиг в Кардице церковь Св. Георгия. В ее греческой надписи нетрудно заметить франкскую орфографию.

В общем, глубочайшая пропасть религии, культуры и нравов отделяла от греков переселившихся к ним из Шампани и Бургундии иноземцев. Они остались своеобразной колонией рыцарей, воинов и священнослужителей, столь же неспособной примениться к греческой натуре, сколько эта последняя была неспособна латинизироваться. Отрывочная история франкских Афин является для нас по преимуществу историей афинских герцогов, рыцарей и *homines d'annes*. Вся эта история — точно перенесение из области поэзии в действительность старофранцузских романсов, *chansons de geste*. Как там есть лишь короли, герои и рыцари, но нет ни граждан, ни народа, так нет последних в истории Афин при франках.

За целое столетие бургундского господства мы не имеем никаких сведений об эллинах в Аттике и Беотии; нигде не сообщается о том, что там было еще живо национальное самосознание, нигде ни слова о какой-нибудь попытке освобождения или восстании греков против чужеземного владычества. Народ эллинский до такой степени исчез из истории Аттики, что нет теперь ни следов его общественной жизни в городах, ни памятников его никогда не умиравшей литературы, не сохранилось ни одного имени греческого гражданина, который занимал бы какое-нибудь выдающееся положение при дворе, на государственной службе или в войске франков. В герцогском войске были, конечно, городские и сельские греки, но лишь в качестве рядовых. Наемники были поэтому необходимостью даже для герцогства Афинского; в походе Гвидо